

шопинг и факинг

# “Мы живем без религии, без морали, без политики”

Марк Равенхилл — Газете

Газета - 2003 - 17 нояб - с. 15

Марк Равенхилл — гость проходящего в Москве фестиваля NET. С Марком Равенхиллом встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

**Господин Равенхилл, вы впервые в России — какие-то образы, ситуации, которым вы стали свидетелем, — войдут в вашу следующую пьесу?**

Безусловно! (Смеется.) Конечно, невозможно приехать в другое место и не вплывать в себя то, что видишь. Но это приходит не сразу — ты не принимаешь решения сиюминутно — ага, в свою пьесу я возьму это, это и еще вот это. Лишь потом я осознаю, что на меня повлияло и что я могу использовать. Меня поразили московские скорости, московский ритм. Огоньки, которые у вас повсюду, — они разделяют жизнь на фрагменты, и мне это напоминает поэзию Маяковского. Она столь же энергична и столь же фрагментарна. Если захочу что-то запечатлеть, то московский ритм.

**Есть ли какие-то ситуации или фантазии, которые вы бы по нравственным соображениям в свои пьесы не допустили?**

Нет. Пьесы не имеют никакого отношения к морали. Я пишу не для того, чтобы людям было приятно.

**Но существует же какое-то количество английских критиков, которые ваши «неприятные» пьесы не принимают?**

Я знаю, что у ваших драматургов есть конфликт с прессой — я бы мечтал об этом! Но, к сожалению, у меня нет такой проблемы. В конфликте с прессой есть что-то более романтическое... Ко мне пресса относится лояльно. (Смеется.)

**То есть вы не чувствуете сопротивления по отношению к своим пьесам? Не чувствуете, что нарушаете какие-то табу, если они остались? Из того, что вы сказали, кажется, что у вас очень комфортное существование как у драматурга.**

Да, наверное, это так. Сегодняшняя аудитория вообще индифферентна к морали, и есть смысл хоть иногда заставлять ее задуматься.

**В статье, написанной в апреле 1998 года на Боннском биеннале, вы утверждали, что искусство современное должно преодолеть «постмодернистский мир». Что вы делаете для этого?**

Постмодернизм отрицает прошлое, разрушает структуры, он пропагандирует искусство фрагментарное, где разрушены связи причин и следствий. Я предлагаю игнорировать это и делать что-то иное.

**Как бы вы определили это «иное»?**

Постпостмодернизм! (Смеется.)

**То есть, пытаясь уйти от постмодернизма, вы заходите прямо в его «трясину»? Углубляете, и получаете «постпост» и так далее.**

Постмодернизм отрицает человеческую глубину. Я знаю, что глубина есть. Мы должны признать, что за нашим повседневным существованием, которое кажется фрагментарным и бессмысленным, есть глубина.

**Есть ли какая-то связь между вашим поколением драматургов и поколением «рассерженных молодых людей», появившихся в Англии в пятидесятые годы?**

Я не чувствую с ними никакой связи.

**Герои ваших пьес, если немного упростить, — одни в смятении, полностью дезориентированы, а другие — знают жизнь, имеют уверенность и силы. Таков Брайен из Shopping and Fucking, таков Джонатан из «Полароидных снимков». Но те, кто обладает знанием и силой, несут зло, а те, кто этим не обладает — беспомощны. На чьей стороне ваши симпатии и к какому роду героев вы сами себя причисляете?**

Джонатан и Брайен — более взрослые. Они воплощают фигуры отцов. Жизненное кредо Брайена — прежде всего, найти деньги. А Джонатан — человек, жаждущий власти. Что-то вроде Сороса! (Смеется.)

И у этих персонажей большая власть над другими героями. Они воплощают уверенность капитализма в том, что он победил в этом мире. Что он стоит на вершине. Их можно назвать персонажами отрицательными. А к какому типу людей я себя отношу? Наверное, я ближе к тем людям, над которыми такие, как Джонатан и Брайен, имеют власть. Наверное, я тоже похож на ребенка, но на самом деле я не знаю.

**Вы очень часто в своих интервью говорите о проблеме взросления, о том, что Европа все более впадает в инфантилизм. Что для вас значит взросление? И вдогонку еще вопрос: вы однажды сказали, что взросление гея отличается от взросления человека с традиционной сексуальной ориентацией. Чем?**

Мне кажется, для очень многих европейцев и американцев существует проблема — как стать взрослым. Мы живем без религии, без морали, без политики, и в этой ситуации очень трудно взрослеть. Это слово потеряло свое значение.

**Почему вы сказали «без политики»?**

Я имею в виду, что на Западе не осталось сильных политических убеждений. Капитализм делает всех нас в той или иной степени детьми, которые постоянно в чем-то нуждаются, постоянно в себе не уверены. В Америке и Англии гей-культура является определяющей. Она находится в центре внимания. А гомосексуалисты в еще большей степени являются детьми. Мы наиболее явно выражаем всеобщую инфантильность.

**А не могли бы вы описать этапы своего взросления в том контексте, о котором говорите?**

Мое детство было очень обеспеченным и спокойным. И когда я читаю чью-то биографию, я пропускаю первые сто страниц — где обычно пишут про детство. Начинаю читать, когда герою исполнится лет двадцать.

**Ваши родители так и не увидели ни один спектакль по вашим пьесам?**

Да, я их до сих пор на мои спектакли не пускаю.

**Они хотят?**

Конечно, но я говорю им, что это не для них.

**Но они же слышат разговоры, читают газеты.**

Да, они даже вырезают все статьи обо мне, хранят их.

**Ингеборга Дапкунайте в интервью Газете говорила, что в Англии режиссер не имеет права менять что-то в современном тексте, должен ставить пьесу, как она написана. Так ли это?**

Никаких изменений в пьесу режиссер не может внести без согласия драматурга.

**Я читал ваши воспоминания о Саре Кейн — драматурге, спектакль по пьесе которой мы увидели, — вы очень немного пишете, о чем вы с ней говорили. Сидя в кафе или еще где-нибудь.**

О футболе. О музыке. Иногда о пьесах, но очень редко. Банальные вещи, вроде: пошли за пивом, посплетничаем.

**Ее пьесы оказали на вас какое-то влияние?**

Нет. Когда я написал Shopping and Fucking, я впервые прочел ее пьесы. Может быть, некоторое сходство есть, но оно не обусловлено влиянием.

**Как вы объясняете причины ее самоубийства?**

Я думаю, это очень просто. Случай медицинский. Что-то вроде химического дисбаланса в мозгу. Она должна была найти определенные сочетания лекарств, чтобы привести мозги в порядок. Но Сара этим никогда не занималась. Долгое время она чувствовала себя очень подавленно и нашла свой способ от этого состояния избавиться.

**Что раздражает вас в современной Англии?**

В нашей культуре нет желания размышлять. Есть выражение: «Английская культура — в жопе». Лучше не скажешь.

**Ваши пьесы находятся там же?**

Да, там же. Конечно, я внутри этой культуры. Может быть, в этом разница между моими пьесами и пьесами Сары Кейн. Она была аутсайдером нашей культуры, а я — ее часть.

**То есть вы — часть культуры, которой глубоко недовольны?**

Ну, я не был бы так категоричен. Я не могу сказать, что она мне совершенно не нравится. Я дышу ею и не могу жить иначе.

газета

## английский скандалист приехал в Москву

Марк Равенхилл — самый известный драматург современной Англии. Он получил образование по специальности «театроведение и филология». Прославился пьесой Shopping and Fucking, главными героями которой были наркоманы, гомосексуалисты, воры. Не обошлось и без полового акта между геями. Разразился скандал, а в результате Марка Равенхилла признали блестящим автором. Равенхилла ставят почти во всех европейских театрах, он пишет по пьесе в год и нередко напоминает общественности, что он ВИЧ-инфицирован. В Москве пьесы Равенхилла ставили Ольга Субботина (Shopping and Fucking) и Кирилл Серебренников («Откровенные полароидные снимки»).



Марк Равенхилл: «В Америке и Англии гей-культура — определяющая. А гомосексуалисты наиболее явно выражают всеобщую инфантильность» Фотограф: Максим Коняев/Газета